

М. Коллинз

ЧЕРЕЗ ЗОЛОТЫЕ ВРАТА

Фрагмент мысли

Однажды, когда я сидела одна и писала, таинственный посетитель необъявленным вошёл в мои занятия и встал позади меня. Я забыла спросить его, кто он был, или почему он вошёл так бесцеремонно, потому что он начал рассказывать мне о Золотых Вратах. Он говорил, поскольку обладал знанием, и от огня его речи я приобрела веру. Я записала его слова; но увы, я не могу надеяться, что этот огонь будет гореть в моих записях так же ярко, как и в его речи. записях так же ярко, как и в его речи.

ПРОЛОГ

У всякого человека есть своя собственная философия жизни — кроме истинного философа. Самый невежественный лапоть имеет некоторое понятие о своей цели жизни и определённые идеи о самом лёгком и разумном пути её достижения. Мирской человек часто, неосознанно для самого себя, является первоклассным философом. Он ведёт свою жизнь по принципам яснейшего свойства и не даёт своей позиции пошатнуться под влиянием случайных бедствий. Человек мысли и воображения имеет меньше уверенности и всё время оказывается не в состоянии сформулировать свои идеи по вопросу, наиболее интересному человеческой натуре — самой человеческой жизни. Истинный философ — это тот, кто не станет вообще предъявлять никаких требований к имени, кто открыл, что к тайне жизни не существует подхода обычной мыслью, также как и истинный учёный признаёт своё полнейшее незнание принципов, лежащих за пределами науки.

Есть ли какой-нибудь образ мысли, или усилие ума, что позволит человеку схватить великие принципы, которые, очевидно, существуют в качестве причин в человеческой жизни — это вопрос, которого ни один рядовой мыслитель не может решить. Однако смутное сознание того, что за следствиями, которые мы видим, стоит причина, что есть порядок, управляющий хаосом и возвышенная гармония, проникающая диссонансы, уже посещает стремящиеся души Земли, и заставляет их желать видения невидимого и знания непознаваемого.

Зачем жаждать и искать того, что за пределами всякой надежды, пока внутренние глаза не открыты? Почему бы не собрать вместе те фрагменты, которые уже имеем в руках и не посмотреть, не соберётся ли из них образ для гигантской головоломки?

Глава I

ПОИСК УДОВОЛЬСТВИЯ

I

Все мы знакомы с неумолимой вещью, называемой страданием, которое преследует человека, и, что весьма странно, преследует его не в туманной и неопределённой манере, но с определённым и несломимым упорством. Его присутствие не совсем непрерывно, иначе человек должен был бы прекратить жить, но его упорство не знает перерыва. Тёмная тень отчаяния всегда стоит за спиной человека, готовая коснуться его своим ужасным перстом, если он слишком долго чувствует себя довольным. Что дало право этому ужасному образу преследовать нас с часа рождения до смертного часа? Что дало ему право всегда стоять в наших дверях, держа их полуоткрытыми своей неосязаемой, но просто ужасающей рукой, готовому войти в любой представляющийся ему подходящим момент? Величайший из когда-либо живших философов уступает ему в конце концов; он, с точки зрения здравого смысла, просто философ, который признаёт факт, что сопротивляться этому нельзя, и знает, что подобно другим людям, он должен будет страдать рано или поздно. Эта боль и бедствие — часть наследия человека; и решивший, что ничто не заставит его страдать, лишь окутывает себя глубоким и холодным эгоизмом. Этот покров может защитить его от боли; он также отделит его и от удовольствия. Если на земле и можно найти мир, или какую-нибудь радость в жизни, то не затворением дверей чувства, которые допускают к нам самую возвышенную и живую часть нашего существования. Ощущение, получаемое через физическое тело, даёт нам всё, что заставляет нас вести такой образ жизни. Невообразимо, чтобы человек заботился о том, чтобы дышать, если бы это действие не приносило ему чувство удовлетворения. Так же и с каждым делом и каждой потребностью нашей жизни. Мы живём, потому что приятно даже переживать ощущение боли. Ощущения — вот чего мы желаем, иначе мы бы согласились попробовать глубокие воды забвения, и человеческий род бы угас. Если так обстоит дело в случае физической жизни, то очевидно так же — и с жизнью эмоций, — воображение, чувства, все эти тонкие и нежные составляющие, которые, с удивительным регистрирующим механизмом мозга, составляют внутреннего или тонкого человека. Чувствование — вот то, что составляет их наслаждение; бесконечная серия ощущений — жизнь для них. Уничтожьте чувствование, которое заставляет их упорно желать продолжения жизненного эксперимента, и ничего не останется. Потому человек, пытающийся избавиться от чувства боли, и предполагающий сохранять одинаковое состояние, переживает ли он удовольствие или боль, подрубает самый корень жизни и разрушает цель своего собственного существования. Всё это может быть приложимо, насколько наше теперешнее соображение или интуитивные силы могут показать нам, ко всякому состоянию, даже к тому, чего желают на востоке — к нирване. Это состояние может быть только одним из бесконечно более тонких и более изысканных ощущений, если это вообще состояние, а не уничтожение; и согласно жизненному опыту, по которому мы сейчас можем судить, утончение ощущений означает возрастание жизненности — так, например, человек, наделённый чувствительностью и воображением, переживает из-за вероломства

или преданности друга даже больше, чем человек более грубой физической природы ощущает посредством самих чувств. Таким образом ясно, что философ, отказывающийся чувствовать, не оставляет себе места для отступления, — даже удалённой и недостижимой цели нирваны. Он может только отказать себе в своём наследии жизни, которое, иначе говоря, есть право чувствования. Если он решит пожертвовать тем, что делает его человеком, он должен будет довольствоваться простой бездеятельностью сознания — состоянием, в сравнении с которым даже жизнь устрицы представляется весьма волнительной.

Но никакой человек не в силах совершить такой подвиг. Сам факт его продолжающегося существования доказывает, что он всё ещё желает ощущения, и желает его в такой положительной и активной форме, что это желание должно быть удовлетворено в физической жизни. Представляется более практичным не обманывать себя притворством стоицизма и не пытаться отречься от того, с чем невозможно заставить себя расстаться. Не будет ли более смелой политикой и более многообещающим способом решения великой загадки существования схватить его, держать крепко и потребовать тайну от него самого? Если бы только люди чуть остановились и приняли во внимание, каким урокам они научились от удовольствия и боли, многое можно было бы узнать о той странной вещи, что вызывает эти эффекты. Но люди расположены поспешно отвращаться от самоизучения или любого непосредственного анализа человеческой природы. Но должна же быть наука жизни, столь же понятная, как любой из научных методов. Эта наука неизвестна, это верно, и её существование просто угадывается, на неё лишь намекается одним или двумя из наших наиболее продвинутых мыслителей. Развитие науки есть только открытие того, что уже находится в существовании; и химия кажется магической и немыслимой для крестьянского мальчика так же, как наука жизни для человека обычного восприятия. Но может быть, и должен быть провидец, который воспримет рост нового знания, подобно первым любителям, увидевшим в лабораторных экспериментах нынешнюю систему знаний, развитую на службу и пользу человека.

II

Несомненно, ещё больше людей попытались бы попробовать самоубийство, чтобы избежать ноши жизни, как многие сейчас совершают его — если были бы убеждены, что таким способом будет найдено забвение. Но колеблющийся выпить яд из страха лишь переменить способ существования, и возможно, к более активной форме страдания — человек большего знания, чем безрассудные души, сумасбродно бросающиеся в неизвестное, веря в его благосклонность. Воды забвения — нечто весьма отличное от вод смерти, и человеческий род не может иссякнуть посредством смерти, в то время как закон рождения ещё действует. Человек возвращается к физической жизни, как пьяница к бутылки с вином, — не зная, почему, за исключением того, что желает ощущения, доставляемого жизнью, как и пьяница желает ощущения, даваемого вином. Истинные воды забвения лежат далеко за пределами нашего сознания и могут быть достигнуты только прекращением существования в этом сознании, прекращением приложения воли, которая делает нас полными чувств и ощущений.

Почему не может человек вернуться в то великое лоно молчания, откуда он пришёл, и оставаться в мире, как нерождённое дитя находится в мире, пока импульс жизни не достигнет его? Он не делает этого, поскольку голоден до удовольствия и боли, радости и печали, ненависти и любви. Несчастный человек будет утверждать, что у него нет желания к жизни, но он докажет фальшь своих слов уже тем, что живёт. Никто не может заставить его жить; раб на галере прикован цепью к своему веслу, но жизнь его не может быть прикована к его телу. Великолепный механизм человеческого тела так же бесполезен, как паровая машина, топка которой не зажжена, если воля жить прекращается, — та воля, которую мы поддерживаем решительно и без остановки, и которая позволяет нам выполнять задачи, которые иначе наполнили бы нас испугом, как, например, ежемоментное вдыхание и выдыхание. Геркулесовые усилия, подобные этим, мы постоянно совершаем и не жалуемся, делая это даже с удовольствием, чтобы существовать среди бесчисленных ощущений.

И более того, мы довольны, большей частью, продолжать двигаться без цели и стремления, без всякого понятия о цели, и понимания, каким путём мы идём. Когда человек впервые отдаёт себе отчёт в этой бесцельности и смутно сознаёт, что работает с огромными и постоянными усилиями без всякого понятия о том, к чему эти усилия направлены, это обрушивает на него печаль мысли XIX столетия. Он заблудился, он сбит с толку, и нет надежды. Он становится скептическим, разочарованным, усталым и задаёт кажущийся неразрешимым вопрос — стоит ли вообще дышать ради таких неизвестных, и по всей видимости, непознаваемых результатов? По меньшей мере, если поставить не столь глобальный вопрос, действительно ли невозможно угадать направление, в котором лежит наша цель?

III

Вопрос этот, порождённый грустью и усталостью, которая кажется нам сущностной частью духа XIX столетия, в действительности — вопрос, который должен ставиться на протяжении всех веков. Если бы мы могли вдумчиво пройти назад сквозь историю, мы несомненно обнаружили бы, что он всегда приходит в тот час, когда цветок цивилизации расцветает вовсю, и когда его лепестки лишь еле-еле держатся вместе. Природная часть человека достигает тогда своего крайнего роста; он вкатил камень на Холм Трудности, только чтобы наблюдать, как он скатится обратно после достижения вершины — как было в Египте, Греции, Риме. Зачем эта бесполезная работа? Разве не достаточно достигнуть невыразимой усталости и тоски и завершить задачу — только для того, чтобы снова увидеть её невыполненной? И всё же это то, что делал человек на протяжении истории, насколько может проникнуть наше ограниченное знание. Есть одна вершина, достигаемая им огромными и объединёнными усилиями, и на которой — яркое цветение всей интеллектуальной, умственной и материальной части его природы. Кульминация чувственного совершенства достигается, и тогда его власть ослабляется, его сила становится меньше, и он скатывается назад, через упадок и пресыщение, к варварству. Почему не остаётся он на этой достигнутой им вершине, оглядывая горы, открывшиеся за ней, в намерении покорить ещё б`ольшие вершины? Потому что он невежественен, и видя великое сияние издалика, смущённый и ослеплённый опускает свои глаза и спускается отдохнуть на тенистую сторону своего холма. Иногда находится достаточно храбрый, чтобы

взглянуть неотрывно на это сияние и разобрать что-нибудь из находящегося в нём образа. Поэты и философы, мыслители и учителя — все, кто являются "старшими братьями человечества", время от времени бросали этот взгляд, и некоторые из них распознали в этом смущающем блеске контуры Золотых Врат.

Эти врата впускают нас в святилище собственной природы человека, в то место, откуда исходит его сила жизни, и где он — священник в часовне жизни. Что туда возможно войти, пройдя через эти врата, некоторые показали нам. Платон, Шекспир и немногие другие сильные прошли туда и говорили нам с ближней стороны этих ворот эзоповым языком. Когда сильный человек пересечёт порог, он более не говорит с теми, кто на другой стороне. И даже слова, которые он произносит, будучи снаружи, настолько полны тайны, так завуалированы и глубоки, что только те, кто следует за его шагами, могут увидеть в них свет.

IV

То, чего желает человек — это выяснить, как сменить боль на удовольствие; то есть раскрыть, каким образом сознание может быть управляемо, чтобы чувство, которое наиболее приятно, было переживаемым. Можно ли это открыть при помощи человеческой мысли — по меньшей мере вопрос, требующий рассмотрения.

Если ум человека обращается к какому-либо предмету с достаточной концентрацией, рано или поздно он получит о нём озарение. Конкретный индивид, в котором появляется это окончательное озарение, называется гением, изобретателем, вдохновленным; но он — лишь венец великой умственной работы, совершённой людьми вокруг него, простирающимися подобно видам с вершины на большие расстояния. Без них у него не было бы материала для работы. Даже поэт требует бесчисленных рифмоплётов в качестве почвы. Он — сущность поэтической силы своего времени и предшествовавших времён. Невозможно отделить индивидуума любого вида от своих сородичей.

Потому, если вместо того, чтобы считать неизвестное непознаваемым, люди в едином согласии обратили бы к нему свои мысли, эти Золотые Врата не оставались бы столь непреклонно закрытыми. Но требуется сильная рука, чтобы толкнуть и отворить их. Смелость войти в них — это смелость поиска тайника своей собственной природы без страха и стыда. В тонкой составляющей, в сущности, в аромате человека находят ключ, открывающий эти великие Врата. И когда они открыты, что же обнаруживается?

Здесь и там, в долгом молчании веков, звучат ответы на этот вопрос. Прошедшие эти Врата оставили за собой слова, как наследство для других представителей своего рода. В этих словах мы можем найти определённые указания на то, что открывается за Вратами. Но только те, кто желает идти этим путём, читают смысл, скрытый в этих словах. Учёные, или скорее, схоласты, читают священные книги разных народов, поэзию и философию, оставленную просветлёнными умами, и находят там только простую материальность. Воображение, прославляющее силы природы, или преувеличение психических возможностей человека, объясняют для них всё, что они находят в библиях человечества.

То, что можно найти в словах этих книг, можно найти и в каждом из нас; и невозможно найти в литературе или через любой иной канал мысли то, чего бы не было в человеке, который изучает. Это, конечно, очевидный факт, известный всем истинным изучающим. Но особо это следует помнить в отношении этого глубокого и туманного предмета, поскольку люди так охотно верят, что для других ничего не может существовать там, где сами они находят лишь пустоту.

Человек, который читает, скоро понимает одну вещь: ранее вошедшие в Золотые Врата не обнаружили, что они ведут к забвению. Напротив, в момент пересечения этого порога ощущение впервые становится реальным. Но оно нового порядка, неизвестного для нас сейчас, и без какого-то ключа к его характеру для нас невозможно даже оценить его. Несомненно, этот ключ может быть получен изучающим, который позаботится пройти через всю доступную нам литературу. То, что эти мистические книги и манускрипты существуют, но остаются недоступными просто потому, что нет человека, готового прочитать первую страницу любой из них, становится убеждением всех, кто изучал этот предмет достаточно. Но через всё это должна проходить непрерывная линия — мы видим её идущей от грубого невежества к разуму и мудрости; это лишь естественно, что она должна вести к интуитивному знанию и вдохновению. Мы располагаем некоторыми скудными фрагментами этих великих даров человека; где же тогда целое, частью которого они должны быть? Оно — за тонкой, но по видимости непроницаемой завесой, скрывающей его от нас, как скрывала она всю науку, всё искусство, все силы человека, пока он не нашёл смелость её сорвать. Эта смелость приходит только от убеждённости. Если человек однажды поверит, что вещь, которой он желает, существует, он добудет её любой ценой. Трудность в этом случае заключается в человеческой недоверчивости. Требуется направить в неизвестную область человеческой природы огромный поток мысли и внимания, чтобы её врата были отперты, а её великолепные виды — изучены.

Что это стоит сделать, каков бы ни был риск, должны признать все те, кто задавал печальный вопрос XIX столетия — а стоит ли жизнь того, чтобы жить? Разумеется, чтобы побудить человека к новой попытке, этого будет достаточно — подозрения, что за пределами цивилизации, за пределами ментальной культуры, за пределами искусства и механического совершенства есть новый, другой вход, допускающий к реальностям жизни.

V

Когда кажется, что конец наступил, цель достигнута, и человеку больше нечего делать, — тогда, когда кажется, что у него нет иного выбора, кроме как между едой и питьём, и жизнью в комфорте, подобной животной, и скептицизмом, который есть смерть, — тогда на самом деле, если он только посмотрит, Золотые Врата окажутся перед ним. Когда в нём культура века, усвоенная совершенно — так, что он сам — воплощение её, тогда он годен к тому, чтобы попытаться сделать великий шаг, который абсолютно возможен, хотя эта попытка и предпринимается столь немногими даже из тех, кто готов к ней. Так редко она предпринимается частью по причине серьёзных трудностей, сопровождающих её, но в гораздо большей мере по причине того, что человек не осознаёт, что это на

самом деле то направление, в котором могут быть достигнуты радость и удовлетворение.

Есть определённые удовольствия, которые не чужды каждому индивидууму; каждый знает тот или иной слой ощущений, где он обретает свой главный восторг. Естественным образом, на протяжении жизни он систематически обращается к нему, в точности как подсолнух поворачивается к солнцу или водяная лилия опирается на воду. Но всё время он борется с ужасным фактом, который в душе его угнетает — не успеет он достичь удовольствия, как снова теряет его и ещё раз должен отправиться на его поиски. Более того, в действительности он никогда и не достигает его, потому что оно ускользает от него в последний момент. Это происходит потому, что он пытается схватить то, что неприкосновенно, и удовлетворить голод своей души на ощущения контактом с внешними объектами. Как то, что является внешним, может удовлетворить или даже порадовать внутреннего человека, — правящего внутри и не имеющего даже глаз для материи, рук, чтобы трогать предметы, чувств, чтобы постигать то, что вне его магических стен? Эти заколдованные барьеры, окружающие его, беспредельны, поскольку они везде; они могут быть обнаружены во всех живых существах, и ни одну часть вселенной нельзя представить без них, если эта вселенная рассматривается, как связанное целое. И если вначале не допустить эту точку зрения, бесполезно рассматривать предмет жизни вообще. Жизнь на самом деле не имеет смысла, если она не всеобщая и не взаимосвязанная, и если мы поддерживаем свое существование не по причине того факта, что мы часть того, что есть, а по причине нашего собственного бытия.

Это один из самых важных факторов в развитии человека — распознавание, глубокое и полное распознавание вселенского единства и связности. Разделение, существующее между индивидуальностями, между мирами, между различными полюсами вселенной и жизни, умственная и физическая фантазия, называемая пространством — это кошмар человеческого воображения. Эти кошмары существуют, и существуют только для того, чтобы мучить, это знает каждый ребёнок; и то, что нам требуется — это способность различения между фантазмагорией мозга, которая заботит только нас самих, и фантазмагорией повседневной жизни, которая заботит также и остальных. Это правило приложимо и в более общем случае. Никого, кроме нас, не затрагивает то, что мы живём в кошмаре нереального ужаса, и воображаем себя одиноками во вселенной и способными на независимое действие, пока нашими сотоварищами являются лишь те, кто является частью сна; но когда мы желаем говорить с теми, кто попробовал и открыл Золотые Врата, тогда это очень необходимо, и действительности, принципиально важно — различать, и не вносить в свою жизнь путаницу нашего сна — ведь сделав это, мы пополним ряды сумасшедших и снова впадём в темноту, где нет друга, кроме хаоса. Этот хаос следовал за каждым усилием человека, записанным в истории; после того, как цивилизация расцветёт, цветок опадает и умирает, и зима и темнота уничтожают его. Пока человек отказывается сделать попытку распознавания, которая могла бы позволить отличать ночные образы от действительных фигур дня, это должно неизбежно случаться.

Но если у человека хватит смелости сопротивляться этой реакционной тенденции, устойчиво стоять на достигнутой вершине и занести свою ногу в поисках места

для ещё одного шага, почему бы ему не найти его? Нет ничего, что могло бы заставить предположить, что путь заканчивается на определённой точке, кроме традиции, которая заявила, что это так, и которую люди приняли и прижали к себе, как оправдание своей лени.

VI

Леность есть воистину проклятие человека. Как ирландский крестьянин и космополитичный цыган прозябают в грязи и бедности от явной праздности, так и человек мира удовлетворённо живёт в чувственных удовольствиях по той же причине. Питьё утончённых вин, наслаждение деликатесной едой, любовь к ярким зрелищам и звукам, красивым женщинам и восхитительным окрестностям — всё это не лучше для окультуренного человека, не более удовлетворительно для него в качестве конечной цели удовольствия, чем грубые развлечения и наслаждения невежды — для человека некультурного. Не может быть конечной точки, поскольку жизнь в каждой форме — единая огромная последовательность тонких градаций; и человек, выбравший тихое стояние на достигнутой им точке культуры и признающий, что он не может идти дальше, просто делает произвольное заявление в оправдание своей лени. Конечно, можно заявить, что цыган доволен своей грязью и бедностью, и, поскольку он таков, он такой же великий человек, как и самый высококультурный. Но он таков только пока он невежествен; в момент, когда свет войдёт в смутный ум, весь человек обращается к нему. Так он оказывается на более высоком положении; только трудность проникновения света в ум, допуска его туда, становится ещё большей. Ирландский крестьянин любит своё виски, и пока может иметь его, вовсе не заботится о великих законах морали и религии, которые, как считается, должны управлять человечеством и побуждать людей жить воздержанно. Окультуренного гурмана заботят только тонкие вкусы и совершенные приправы; но так же, как и самый простой крестьянин, он слеп в отношении того факта, что есть нечто, лежащее за пределами таких удовольствий. Подобно грубому невежде он обманут миражом, угнетающим его душу; и воображает, что получив однажды радующее его чувственное удовольствие, достигнет полного удовлетворения его бесконечным повторением — пока в конце концов не достигнет сумасшествия. Букет вина, которое он любит, входит в его душу и отравляет её, оставляя его с мыслями ни о чём, кроме как о чувственном желании; и он находится в том же безнадежном состоянии, что и человек, умирающий безумным от выпивки. Что же хорошего получил пьяница от своего безумия? Ничего: боль в конце концов совсем поглотила удовольствие, и смерть входит, чтобы закончить эту агонию. Человек страдает от последнего наказания за своё постоянное невежество относительно законов природы также неизбежно, как от гравитации — закона, запрещающего человеку стоять неподвижно. Не может быть дважды испробована та же чаша удовольствия; второй раз она должна содержать крупицу яда или каплю эликсира жизни.

Тот же аргумент хорошо действует и в отношении удовольствий интеллектуальных — работает тот же закон. Мы видим людей, которые в интеллектуальном аспекте являются цветом своего века, которые идут дальше своих сотоварищей и возвышаются над ними, в конце концов попадая в фатальную рутинную колею мысли, где они уступают врождённой лени души,

и начинают обманывать себя утешением повтора. Тогда приходит бесплодность и недостаток жизненности — то несчастное и разочаровывающее состояние, в которое так часто впадают великие люди, перевалив за средний возраст. Огонь юности, энергия молодого интеллекта побеждает внутреннюю инерцию и позволяет человеку взбираться на высоты мысли, наполняя свои ментальные лёгкие свежим воздухом гор. Но затем наконец наступает физическая реакция; физический механизм мозга теряет свой мощный импульс и начинает ослаблять свои попытки — просто потому, что молодости тела пришёл конец. Теперь человек подвергается нападению великого соблазнителя человеческого рода, который вечно стоит на лестнице жизни, поджидая тех, кто забрался так далеко. Он капает в ухо отравленную каплю, и с этого момента всё сознание начинает притупляться, и человек начинает ужасаться потере жизненных возможностей. Он бросается назад к знакомой платформе опыта и находит утешение в дёргании за хорошо известную струну страсти или эмоций. И слишком многие всё продолжают затягивать это, боясь попробовать неизвестное, удовлетворённые постоянным прикосновением к той струне, которая отвечает легче всего. Этим они получают уверенность, что жизнь в них ещё пылает. Но в конце их судьба — такая же, как у гурмана и пьяницы. Сила чар ежедневно ослабевает по мере того, как чувствующий механизм теряет свою жизненность; а человек пытается вернуть к жизни прежнее возбуждение и пыл ударяя ноту более энергично, крепко вцепляясь в то, что даёт ему ощущение, выпивая чашу яда до её фатального осадка. И тогда он пропал; безумие спускается на его душу, как оно спускается на тело пьяницы. Жизнь больше не имеет для него никакого смысла, и он дико бросается в пропасть интеллектуального сумасшествия. Меньший же человек, совершающий эту великую глупость, утомляет дух других скучным цеплянием к знакомым мыслям, постоянной привязанностью к рутине, которую он утверждает в качестве конечной цели. Окружающее его облако столь же фатально, как сама смерть, и человек, однажды присевший у его ног, уходит огорчённым, и должен обратиться к его прежним словам, чтобы вспомнить его величие.

VII

Каково же средство против этого страдания и растраты усилий? Есть ли оно? Несомненно, сама жизнь в самой себе содержит логику и закон, делающий существование возможным; иначе хаос и сумасшествие были бы единственным достижимым состоянием.

Когда человек пьёт свою первую чашу удовольствия, его душа наполняется невыразимым счастьем, которое приходит с первым, свежим ощущением. Капля яда, которую он зароняет во вторую чашу, и которая, если он упорствует в своей глупости, удваивается и утраивается, пока наконец вся чаша не станет ядом — это невежественное желание повторения и усиления; очевидно это означает смерть, согласно любой аналогии. Ребёнок становится мужчиной; он не может вернуть своё детство и усилить его впечатления, кроме как заплатив неизбежную цену и став идиотом. Растение пускает свои корни в землю и выбрасывает зелёные листья; потом оно цветёт и приносит плоды. То растение, которое будет выпускать только корни или листья, постоянно задерживая своё развитие, считается садовником к бесполезным и требующим удаления.

Человек, выбирающий путь усилий, и не позволяющий сну лености затуманить его душу, находит в своих удовольствиях всё новую и более утончённую радость каждый раз, когда он пробует их, — нечто тонкое и удалённое, что всё более удаляет от состояния, в котором обычная чувственность есть всё; эта тонкая сущность — тот эликсир жизни, что делает человека бессмертным. Тот, кто пробует его и не станет пить, если его нет в чаше, находит жизнь расширяющейся и мир — становящимся великим перед нетерпеливым взглядом. Он распознаёт душу в женщине, которую он любит, и страсть становится миром; он видит в своей мысли тонкие качества духовной истины, которая за пределами действия нашего умственного механизма, и тогда вместо вхождения в рутину интеллектуализма он покоится на широкой спине орла интуиции и парит в той прекрасной атмосфере, где нашли своё прозрение великие поэты; он видит внутренность своей способности чувствования, удовольствия от свежего воздуха и солнца, еды и вина, движения и покоя, возможности тонкого человека — того, который не умирает с телом или мозгом. В удовольствиях искусств, музыки, света и красоты — внутри этих форм, которые люди повторяют, пока не останутся лишь формы, он видит великолепие Золотых Врат и проходит в них, чтобы обнаружить новую жизнь за пределами, которая, как горный воздух, опьяняет и даёт силу самой своей энергией. Но если он вливал, капля за каплей, больше и больше этого эликсира жизни в свою чашу, он становится достаточно сильным, чтобы вдыхать эту интенсивную атмосферу и жить в ней. Тогда, умрёт ли он, или живёт в физической форме, он также продолжает идти и находить новые и более тонкие радости, более совершенные и удовлетворяющие переживания с каждым дыханием, которое он вдыхает и выдыхает.

Глава II ТАЙНА ПОРОГА

I

Нет сомнения, что входя в новую фазу жизни, с чем-то придётся порвать. Ребёнок, становясь взрослым, бросает все детские штучки. Св. Павел показал этими и многими другими оставленными им для нас словами, что он отведал эликсира жизни, что он был на пути к Золотым Вратам. С каждой каплей божественного напитка, попадающего в чашу удовольствия, что-то выводится из неё, чтобы дать место для магической капли. Ведь природа щедра к своим детям — чаша человека всегда полна до краёв; и если он решит попробовать тонкой и жизнедающей эссенции, он должен отбросить что-то из более грубой и менее чувствительной части себя. Это должно делаться ежедневно, ежечасно, каждую минуту, с той целью, чтобы глоток жизни мог увеличиваться постоянно. И чтобы делать это неотступно, человек должен быть своим собственным наставником и учителем, должен понять, что ему всё время требуется мудрость, должен быть готов к практике любой аскезы, непоколебимо применять розгу против самого себя, чтобы достичь своей цели. Для всякого относящегося к этому предмету серьёзно, очевидно, что лишь человек, у которого есть потенциал и жизнелюба, и стоика, имеет шанс войти в Золотые Врата. Он должен быть способен испробовать и оценить до самой тонкой составляющей каждую радость, которую может дать

существование; и должен быть способен отказать себе во всех удовольствиях, причём не страдая от этого отказа. Когда он завершит развитие этой двоякой способности, тогда он будет в состоянии начать сортировать свои удовольствия, отсеивая принадлежащие исключительно плотскому человеку. Когда все они уже отброшены, придётся иметь дело со следующим рядом ещё более утончённых удовольствий. Разбираясь с ними, человек сможет выяснить, что сущность жизни — не в методе, преследуемом стоическим философом. Стоик не допускает, что в удовольствии есть радость, и сам отрицая одно, теряет и другое. Но истинный философ, изучивший жизнь, не будучи привязан к какой-либо системе мысли, видит, что внутри скорлупы есть ядро, и что вместо того, чтобы сгрызть весь орех, подобно грубому и неразборчивому едоку, сущность его можно извлечь, расколов и выбросив скорлупу. Всякая эмоция, всякое ощущение поддаётся этому процессу, иначе они не могли бы быть частью человеческого развития, сущностно важной в природе человека. Ведь то, что это для него сила, жизнь, совершенство, и что каждый участок его продвижения вглубь полон средств, помогающих ему в достижении цели, может отрицаться только теми, кто отказывается признать жизнь, отдельную от материи. Эта умственная позиция настолько произвольна, что невозможно ей перечить или бороться с ней. Но невидимое всё время давит на видимое, нематериальное пересиливает материальное; знаки и символы, из тех, что за пределами материи, всё время ждут человека материи, чтобы он попробовал и взвесил их. Те, кто не делают этого, выбрали место остановки произвольно, и нельзя ничего предпринять, кроме как оставить их там, не беспокоя, совершающими ту рутинную работу, которую они считают крайней активностью существования.

II

Нет сомнения, что человек должен учиться воспринимать то, что за пределами материи, так же, как он должен учиться воспринимать то, что в материи. Каждый знает, что ранний возраст ребёнка — это долгий процесс отладки, обучение пониманию назначения чувств в отношении областей их приложения, а также практики упражнения трудных, сложных, и ещё несовершенных органов в восприятии мира материи. Намерения ребёнка серьёзны и он действует без колебания, если намеревается жить. Некоторые дети, родившиеся на свет, оступаются от него и отказываются штурмовать лежащую перед ними гигантскую задачу, которую надлежит выполнить, чтобы сделать жизнь в материи возможной. Они возвращаются в ряды нерождённых; мы видим их отложившими свой многообразный инструмент, тело, и впадающих в сон. Так же обстоит дело и с огромной толпой человечества, после того как она восторжествовала, победила мир материи и получила в нем удовольствие. Представители этой толпы, которые кажутся столь могущественными и самоуверенными в знакомых им владениях — дети перед лицом нематериальной вселенной. И мы видим, как они повсюду, ежедневно и ежечасно, отказываются вступить в него, снова погружаясь в ряды обывателей физической жизни, цепляясь за сознание, которое они пережили и понимают. Интеллектуальное отвержение всего чисто духовного знания — наиболее заметный знак этой лености, в которой мыслители, остановившиеся на любой позиции, несомненно виновны.

Что первая попытка тяжела, это очевидно, и ясно, что это вопрос как силы, так и волевого действия. Но нет пути получения этой силы, или её использования по получении, кроме упражнения воли. Напрасно ожидать родиться с великими владениями. В царстве жизни нет наследия, кроме наследия собственного прошлого человека. Он должен накопить своё. Это очевидно каждому наблюдателю жизни, который глядит своими глазами, не ослепляя их предрассудками; и даже, когда предрассудки есть, невозможно для человека здравомыслящего не признать этот факт. Это отсюда мы получили доктрину наказания и спасения, длящегося целые века после смерти, или вечного. Эта доктрина — узкая и примитивная манера выражения факта Природы — что посеет человек, то он и пожнёт. Великий ум Сведенборга увидел этот факт так ясно, что он утвердил его, как конечную истину для этого конкретного существования; его предрассудки сделали для него невозможным понять возможность новых действий, когда уже нет чувственного мира, в котором можно действовать. Он был слишком догматичным для научного наблюдения, и не мог увидеть, что как весна следует за осенью, и день за ночью, так же и рождение должно следовать за смертью. Он подошёл очень близко к порогу Золотых Врат и шагнул за пределы обычного интеллектуализма, только чтобы приостановиться на точке лишь одним шагом дальше. Полученный им проблеск запредельной жизни показался ему содержащим вселенную, и на этом фрагменте опыта он построил теорию, заключающую всю жизнь, отказавшись прогрессировать за пределы этого состояния или какой-либо возможности вне её. Это лишь другая форма той утомительной рутины. Но Сведенборг стоит первым в сонме свидетелей того факта, что Золотые Врата существуют и могут быть увидены с высот мысли, и он послал нам лёгкую волну ощущения с их порога.

III

Если человек раз примет во внимание значение этих Врат, для него становится очевидным, что кроме как через них, нет другого пути из этой формы жизни. Только они могут пропустить человека туда, где он становится плодом того, чьим цветком является человечество. Природа — добрейшая из матерей для тех, кто в ней нуждается; она никогда не устаёт от своих детей и не желает уменьшения их в численности. Её дружественные руки широко распахнуты для гигантского сонма тех, кто желает родиться и обитать в формах; и пока они всё ещё желают этого, она продолжает гостеприимно улыбаться. Почему должна она захлопывать свои двери для кого-либо? Когда единая жизнь в её сердце не изнашивается и на сотую часть от того, что душа жаждет ощущений, которые находит здесь, какой может быть смысл в отходе души в любое другое место? Несомненно, семена желания взойдут там, где сеятель посеял их. Это видится просто разумным; и на этом самоочевидном факте индийский ум основал свою теорию реинкарнации, или рождения и перерождения в материи, которая стала такой знакомой частью восточной мысли, что более не требует демонстрации. Индеец знает это так же, как западный человек знает, что переживаемый им день — лишь один из многих дней, составляющих длительность человеческой жизни. Эта уверенность, которой обладает восточный человек относительно законов природы, управляющих великим ходом существования души, просто достигается привычками мысли. Таким образом восток создал величайшие цветы духовного роста человечества. По

умственным ступеням миллиона людей Будда прошёл через Золотые Врата; и поскольку огромная толпа собралась у порога, он смог оставить после себя слова, подтверждающие, что эти врата откроются.

Глава III НАЧАЛЬНАЯ ПОПЫТКА

I

Очень легко видеть, что нет ни одной точки в жизни или опыте человека, где бы он был ближе к душе вещей, чем в какой-нибудь другой. Эта душа, эта тонкая сущность, наполняющая воздух блестящим сиянием, — там, за Вратами, которые она окрашивает собой. Но то, что нет ни одной тропы к ней, сразу же понимается из того факта, что эта душа по самой своей природе универсальна. Золотые Врата не впускают в некое особое место — они лишь открываются для выхода из некоего особого места. Человек проходит через них, когда отбрасывает свои ограничения. Он может разбить скорлупу, которая держит его в темноте, разорвать завесу, отделяющую его от вечного, в любой точке, когда это для него легче всего сделать; и наиболее часто эта точка оказывается там, где он меньше всего ожидал её найти. Люди отправляются на поиск выхода с помощью своих умов, и прилагают произвольные и ограниченные законы достижения недостижимого для них. Действительно, многие надеялись пройти путём религии, и вместо этого создали такую отмеченную и фиксированную мысленную позицию, что кажется, и долгих веков будет недостаточно, чтобы они смогли выбраться из этой колеи. Некоторые считали, что путь мог быть найден с помощью чистого интеллекта; и этим людям мы обязаны за ту философию и метафизику, которая предотвратила впадение человека в крайнюю чувственность. Но конец человека, пытающегося жить только мыслью, таков, что он живёт в фантазиях и усердствует в потчевании ими других людей, будто это существенная пища. Велик наш долг перед метафизиками и трансценденталистами; но тот, кто следует за ними к горькому концу, забывая, что мозг лишь орган для пользования им, обнаружит себя обитающим в том месте, где скучное колесо аргументации, похоже, вечно вращается на своей оси, но катится в никуда и не несёт никакого груза.

Добродетели (или того, что кажется каждому человеку добродетелью, согласно его особому стандарту морали и чистоты) придерживаются те, кто практикует её с целью оказаться на пути в рай. Возможно, с точки зрения рая современного сибарита, это чувственность этическая. Легко стать гурманом чистой жизни и высокого мышления — так же, как удовольствий вкусовых, видовых или звуковых. Удовлетворение — вот цель добродетельного человека, точно так же, как и пьяницы; даже если его жизнь будет чудом воздержания и самопожертвования, минутное размышление покажет, что преследуя свой героический с виду путь, он лишь стремится к удовольствию. Удовольствие у него приобретает красивую форму, потому что его награды имеют сладкий вкус, и это радует его — скорее приносить радость другим, чем самому радоваться за их счёт. Но чистая жизнь и высокие мысли — не в большей мере самоцель, чем любой другой способ получения удовольствия; и человек, пытающийся найти в них

удовлетворение, должен увеличивать свои усилия и постоянно повторять их — и всё напрасно. На самом деле — он зелёное растение, и листья его красивы; но требуется большее, чем листья. Если он слепо упорствует в своих попытках, веря, что достиг цели, когда он даже не ощутил её, тогда он обнаруживает себя в том унылом месте, где добро совершается волей-неволей, а дело добродетели — без любви, которая должна светиться сквозь неё. Хорошо для человека вести чистую жизнь, также как хорошо для него иметь чистые руки — иначе он станет отталкивающим. Но добродетель, как мы понимаем её сейчас, может иметь к состоянию за пределами того, чем мы ограничены, не большее отношение, чем любая другая составляющая нас часть. Дух — это не газ, создаваемый материей, и мы не можем создать себе будущее, усиленно используя одно материальное средство, и оставляя остальные. Дух есть великая жизнь, на которой покоится материя, создавая каменистый мир на свободном и текучем эфире; когда бы мы ни смогли разрушить наши ограничения, мы обнаружим себя на том удивительном берегу, где Уордсворт однажды увидел отблеск золотого сияния. Когда мы войдём туда, всё равным образом должно исчезнуть — добродетель и порок, мысль и чувство. То, что человек пожинает, что посеял, конечно также должно быть верно; он не способен взять с собой добродетель материального мира, но сам аромат его добрых дел — куда более сладкая жертва, чем запах преступлений и жестокости. Однако может быть, что практикой добродетели он прикуёт себя к одной колее, к одному неизменному образу жизни в материи так прочно, что уму невозможно и представить, что смерть окажется силой, достаточной, чтобы освободить его и выпустить его в широкий и великолепный океан, — достаточной силой, чтобы открыть для него неподдающийся и тяжёлый засов Золотых Врат. А иногда человек, который грешил так сильно, что вся его природа иссечена и зачернена яростным огнём эгоистического удовлетворения, в конце концов выгорает и обугливается до такой степени, что от самой энергии страсти прорывается свет. Для такого человека представляется более возможным по меньшей мере достигнуть порога Золотых Врат, чем для простого аскета или философа.

Но мало пользы в достижении порога Врат, если нет силы, чтобы в них пройти. Это всё, что может надеяться совершить грешник растворением себя, которое приходит от видения своей собственной души. По меньшей мере похоже, что это неизбежно следует из того, что его состояние негативно. Человек, поднимающий засов Золотых Врат, должен сделать это своей собственной сильной рукой, и должен быть абсолютно позитивным. Мы можем увидеть это с помощью аналогии. Во всём прочем в жизни, при каждом новом шаге развития, человеку необходимо проявить самую настойчивую волю, чтобы вполне достичь требуемого. На самом деле во многих случаях, хотя у него имеются все преимущества и он использует в некоторой мере свою волю, для получения того желаемого, ему крайне нехватает последнего и непреклонного решения. Никакое образование в мире не сделает человека интеллектуальной славой своего века, даже если его силы огромны; поскольку если он положительно не пожелает завладеть цветком совершенства, он будет лишь сухим школяром, дельным лишь в словах, искусным в механической мысли и простым колёсиком памяти. А человек, у которого есть это положительное качество, поднимется, несмотря на противодействующие условия, распознает и схватит волну мысли, которая является его естественной пищей, и в конце концов встанет, как гигант в том

месте, которого он хотел достичь. Мы видим это практически каждый день во всех областях жизни. Почему же нельзя человеку, прошедшему через страсти крушения догматичной и узкой части своей натуры, войти в эти врата? А поскольку он не ослеплён предрассудком, не привязал себя к любой из мысленных рутин, и колесо его души не угодило ни в одну из глубоких колеи жизни, представляется, что однажды положительная воля может родиться в нём, и когда-нибудь он будет вовсе недалёк от того, чтобы протянуть руку к засову.

Несомненно, задача, о которой мы говорим — освободить человека от всех предрассудков, от всех кристаллизованных мыслей или чувств, всех ограничений, и развить в нём положительную волю — труднейшая из тех, какие мы только встречали в жизни. Это представляется чересчур чудесным; поскольку в обычной жизни положительная воля всегда ассоциируется с застывшими идеями. Но многие вещи, казавшиеся чересчур чудесными, чтобы их выполнить, уже сделаны, даже в пределах узкого опыта жизни, данного теперешнему человечеству. Всё прошлое показывает нам, что трудность — не оправдание уныния, и ещё менее — отчаяния; иначе бы мир остался без многих чудес цивилизации. Давайте рассмотрим предмет более серьёзно, ведь раз мы однажды использовали свой ум для этой идеи, это не является невозможным.

Начальная и очень большая трудность — это закрепление интереса на том, что невидимо. Однако это уже делается каждый день, и мы должны только понаблюдать, как это делается, с целью нашего собственного руководства. Каждый изобретатель твёрдо фиксирует свой интерес на невидимом; и от твёрдости этой фиксации полностью зависит, достигнет ли он успеха или потерпит неудачу. Поэт, рассматривающий момент творчества как тот, для которого он живёт, видит то, что невидимо и слышит то, что беззвучно.

Возможно, в последней аналогии — ключ к тому способу действия, при помощи которого достигается успех в этом путешествии к неизвестной цели ("откуда", на самом деле, "никто не возвращается"). Это приложимо и к изобретателю, а также ко всем, кто превосходит пределы обычного умственного и психического уровня человечества. Ключ — в слове "творчество".

II

Слово "творить" часто понимается заурядными умами как сообщающее идею создания чего-нибудь из ничего. Ясно, что не в этом его значение; мы даже нашему Создателю сделали мысленное одолжение, снабдив его хаосом, из которого можно было создавать миры. Земледельцу, типичному производителю в общественной жизни, нужен материал — его земля, небо, дождь и солнце, семена для посадки в землю. Из ничего он не может произвести ничего. Из пустоты не может возникнуть Природа; есть материал — вне, за, или внутри, из которого она создаёт образ вселенной согласно нашему желанию. Это очевидный факт — что семена и земля, воздух и вода, заставляющие их прорасти, существуют на каждом уровне деятельности. Если вы поговорите с изобретателем, то обнаружите, что далеко за пределами того, что он делает сейчас, он всегда может воспринять нечто другое, что должно быть сделано, что он не может выразить словами, потому что он ещё не ввёл это в наш нынешний мир вещей. Это знание невидимого ещё более

определённо у поэта, и оно ещё более невыразимо, пока он не коснётся его некой частью того сознания, которое он разделяет с другими людьми. Но строго пропорционально тому, насколько он велик, он живёт в сознании, в существование которого рядовой человек не может и поверить — в сознании, находящемся в гораздо большей вселенной, которое дышит б`ольшим воздухом, наблюдает более широкие землю и небо и срывает семена с растений гигантской высоты.

Это то самое положение сознания, которого нам нужно достичь. То, что оно не зарезервировано исключительно для людей гениальных, демонстрируется тем фактом, что мученики и герои нашли его и обитали в нём. Оно — не только для гениев, но может быть найдено лишь людьми великой души.

И вовсе не следует обескураживаться этим фактом. Расхожее мнение состоит в том, что быть великим человеком — свойство врождённое. Это верование — результат недомыслия и слепоты к фактам природы. Величина достигается только ростом — это демонстрируется нам постоянно. Даже горы, и даже сам земной шар приобрели свою величину посредством роста, присущего этому состоянию материальности — аккумуляции атомов. По мере того, как сознание, присущее всем существующим формам, переходит в более продвинутые формы жизни, оно становится более активным, и пропорционально этому получает способность роста посредством усвоения вместо накопления. Взглянув на существование с этой особой точки зрения (что в действительности трудно поддерживать долго, поскольку мы обычно смотрим на жизнь на разных уровнях и забываем о великих линиях, соединяющих их и идущих через них), мы тут же поймём, что резонно будет предположить, что по мере нашего продвижения за теперешнее состояние, способность роста ассимиляцией возрастет и возможно превратится в метод более быстрый, простой и бессознательный. Вселенная, на самом деле, полна удивительных возможностей для нас, если мы лишь поднимем глаза и посмотрим. Поднять глаза — это первая необходимость и первая трудность; ведь мы так склонны удовлетворяться тем, что видим на расстоянии вытянутой руки. Сущностно важная характеристика гения — это то, что он сравнительно безразличен к тем плодам, которые в пределах досягаемости, и голоден до тех, которые вдали, на высотах. В действительности ему не нужно чувство контакта, чтобы возжелать их. Он знает, что этот удалённый плод, воспринимаемый им без помощи физических чувств, — более утончённая и сильная пища, чем вызывающая к ним. И как он вознаграждается! Когда он пробует тот плод, как силен и сладок его вкус, и что за новое чувство жизни сваливается на него! Ведь распознавая этот вкус, он распознал существование тонких чувств, питающих жизнь внутреннего человека; а именно силой этого внутреннего человека, и только ею, может быть поднят засов Золотых Врат.

В действительности существование Золотых Врат и того, к чему они допускают, может быть воспринято только развитием и ростом внутреннего человека. Пока человек довольствуется своими грубыми чувствами и совсем не заботится о тонких, эти Врата остаются буквально невидимыми. Как для невежды врата интеллектуальной жизни — вещь бесплотная и несуществующая, так и для человека грубых чувств, даже если его интеллектуальная жизнь активна, лежащее за пределами бесплотно и не существует просто потому, что он не открывает книгу.

Для слуги, вытирающего пыль в библиотеке научного работника, закрытые тома не имеют смысла; кажется, что они даже ничего не обещают, если он не станет тоже учиться, а не останется просто слугой. Можно целую вечность смотреть на внешнюю видимость по причине явной лености — умственной лености, которая есть недоверчивость, которой в конце концов люди приучаются гордиться; они называют это скептицизмом, и говорят о господстве здравого смысла. Это состояние не более оправдывает гордость, чем состояние восточного сибарита, который даже не поднимет пищу к своему рту; он так же "резонен" в том, что видит, что активность не имеет ценности, и потому не проявляет её. Так же и со скептиком; упадок следует за состоянием бездеятельности, будь оно умственным, психическим или физическим.

III

А теперь давайте рассмотрим, как преодолевается первая трудность закрепления интереса на невидимом. Наши грубые чувства относятся только к тому, что предметно в обычном смысле этого слова; но сразу же за этим полем жизни находятся более тонкие ощущения, вызывающие к тонким чувствам. Здесь мы обнаруживаем первый намёк на нужные нам ступени. Человек с этой точки зрения выглядит подобно точке, где сходятся многие линии или лучи; и если у него хватит смелости или заинтересованности оторваться от простейшей формы жизни, точки, и хотя бы немного исследовать путь вдоль этих линий или лучей, всё его существо неизбежно сразу же расширяется и увеличивается, и человек начинает расти, становясь великим. Но если мы примем эту иллюстрацию, как достаточно правильную, то станет очевидно, что главный пункт здесь — исследовать одну линию не более настойчиво, чем другие; иначе результатом будет уродливое развитие. Все мы знаем, сколько величия и благородства в лесном дереве, у которого было достаточно воздуха для дыхания и пространства для корней, а также внутренней жизненности для выполнения своей непрекращающейся задачи. Оно подчиняется совершенному природному закону роста, и особое благоговение, которое оно возбуждает, происходит из этого факта.

Как же возможно получить распознавание внутреннего человека, наблюдать за его ростом и взращивать его?

Давайте попробуем немного проследовать за полученным нами намёком, хотя возможно вскоре слова окажутся бесполезными.

Каждый из нас должен путешествовать в одиночку и без помощи, как путешественник должен взбираться в одиночку, когда приближается к вершине горы. Никакое ездовое животное здесь не может помочь ему; также и грубые чувства или что-либо, их касающееся, ему здесь не помогут. Но на небольшое расстояние слова могут отправиться с нами.

Язык распознаёт меру сладости или пикантности еды. У человека, чьи чувства самого простейшего порядка, нет никакого понятия о сладости, кроме этого. Но более тонкая сущность, высшее ощущение того же порядка, достигается при помощи другого восприятия. Сладость лица красивой женщины, или улыбки друга распознаётся человеком, чьи внутренние чувства располагают хотя бы небольшим

движением жизненности. Тому, кто поднял золотой засов, открывается сам источник сладких вод, сам этот фонтан, откуда происходит вся сладость, открывается и становится частью его наследия.

Но перед тем, как можно будет отведать из этого источника, или достичь любого другого, нужно поднять тяжёлый груз из своего сердца, железный засов, держащий его внизу и не позволяющий ему восстать в своей силе.

Человек, распознающий поток сладости, текущий через Природу от своего источника, поднял этот груз, он поднялся в то состояние, в котором нет связывающих пут. Он знает, что он часть великого целого, и это то, знание, которое является его наследием. Именно через разрыв произвольного крепостного договора, привязывающего его к своему личному центру, он вступает в полный возраст и становится правителем своего царства. По мере того, как он расширяется, множественными опытами распространяясь по линиям, сходящимся в точке, где он воплощён, он открывает, что находится в соприкосновении со всей жизнью и содержит в себе целое. И тогда ему нужно лишь отдаться той великой силе, которую мы называем добром, присоединится к ней крепко хваткой своей души, и он быстро понесётся к великим, широким водам истинной жизни. Что же это за воды? В теперешней нашей жизни мы располагаем лишь тенью сущности. Ни один человек не любит без пресыщения, не пьёт без возврата к жажде. Голод и желание затемняют небо и делают землю недружественной. То, что нам нужно — это земля, которая будет приносить живые плоды, и небо, которое всегда будет полно света. Положительно желая этого, мы непременно это найдём.

Глава IV ЗНАЧЕНИЕ БОЛИ

I

Взгляните в самое сердце жизни, откуда приходит боль, чтобы омрачать жизни людей. Она всегда на пороге, и за ней стоит отчаяние.

Кто эти две худые фигуры и почему дозволено им быть нашими постоянными преследователями?

Это мы разрешаем им, это мы приказываем им, допуская действия наших тел и управляя ими; и мы делаем это как будто несознательно. Но из научных экспериментов и исследований мы много узнали о нашей физической жизни, и казалось бы, прилагая аналогичные методы, мы можем получить по меньшей мере такой же большой результат и для нашей внутренней жизни.

Боль пробуждает, смягчает, разбивает и уничтожает. С совершенно отстранённой точки зрения она представляется лекарством, ножом, оружием и ядом поочерёдно. Она — орудие, средство, это очевидно. Что мы хотим открыть, так это кто пользователь; какая часть нас — та, что требует присутствия этой вещи, столь ненавистной для остальных?

Лекарство используется терапевтом, нож — хирургом; но оружие разрушения используется врагом, ненавистником.

Тогда выходит, что мы не только используем средства или желаем применять их для пользы наших душ, но также ведём внутри себя войну, учиняя битву во внутреннем святилище? Похоже, это так, ведь несомненно, что если воля человека к этому ослабеет, он более не станет поддерживать жизнь в том состоянии, в котором существует боль. Почему же желает он ранить себя самого?

С первого взгляда может показаться, что ответ в том, что человек желает удовольствия, и потому хочет оставаться на этом поле битвы, где оно ведёт войну с болью за обладание им, всегда надеясь, что удовольствие одержит победу и возьмёт его в свои владения. Но это лишь внешний аспект этого состояния человека. В глубине себя он хорошо знает, что боль — соправитель вместе с удовольствием, и что хотя война ведётся всегда, она никогда не может быть выиграна. Поверхностный наблюдатель заключает, что человек подчиняется неизбежному. Но это заблуждение, которое не стоит и обсуждать. Небольшое серьёзное размышление показывает нам, что человек вообще не существует, кроме как проявляя свои положительные качества; это лишь логично — предположить, что он выбирает состояние, в котором он будет жить проявлением тех же самых качеств.

Допустим, тогда, для пользы нашей аргументации, что он желает боли; почему же он желает чего-то столь раздражающего его?

II

Если мы внимательно рассмотрим состав человека и его склонности, представится, что есть два определённых направления, в которых он растёт. Он подобен дереву, которое врезается своими корнями в почву, в то же время выбрасывая молодые ветви к небесам. Эти две линии, идущие вовне из центральной персональной точки, для него ясны, определённые и понимаемы. Он называет одно добром и другое злом. Но человек, согласно всякой аналогии, наблюдению или опыту — не прямая линия. Будь он таким, эта жизнь, или прогресс, или развитие, как бы мы это ни назвали, значила бы просто следование одной прямой дороге или другой, как представляется сторонникам религии. Весь вопрос, эта могучая проблема, могла бы быть легко решена тогда. Но не так просто отправиться в ад, как заявляют проповедники. Это такая же трудная задача, как и найти свой путь к Золотым Вратам. Человек может сокрушить себя полностью в чувственных наслаждениях, и испортить, как кажется, всю свою природу, но он ещё не сможет стать совершенным дьяволом, поскольку всё ещё есть в нём искра божественного света. Он пытается выбрать широкую дорогу, ведущую к разрушению, и смело начинает свою опрометчивую карьеру. Но очень скоро он сдерживается и поражается некой склонностью в себе, о которой и не думал — одним из многих излучений, исходящих из центра его. Он страдает со страданием тела, когда развивает чудовищные качества, которые мешают его здоровому функционированию. Он создал боль и обнаружил собственное создание. Может показаться, что этот аргумент трудно приложим в отношении физической боли. Не так, если человек рассматривается с более возвышенной

точки зрения, чем мы обычно занимаем. Если он рассматривается, как могущественное сознание, формирующее свои внешние проявления согласно своим желаниям, тогда станет очевидно, что физическая боль происходит от безобразности в этих желаниях. Без сомнения, эта концепция человека покажется многим умам слишком малостоящей и требующей слишком большого мысленного скачка в неизведанные места, где подтверждения невозможно получить. Но если ум привыкнет смотреть на мир с этой точки зрения, очень скоро никакая другая не будет приемлемой; нити существования, кажущиеся чисто материалистическому наблюдателю безнадежно запутанными, станут отдельными и распрямлёнными, и новое понимание озарит вселенную. Творящий произвол и жестокий Создатель, причиняющий по своей воле боль и удовольствие, исчезнет со сцены; и это хорошо, поскольку в действительности он излишний персонаж, или, хуже того, просто чучело из соломы, которое не может даже стоять на полу, не будучи подпираемо со всех сторон догматиками. Человек приходит жить именно в этот мир несомненно точно так же, как живёт он в том или ином городе этой земли; и если заявить так было бы уж слишком, то в любом случае можно спросить — а почему бы этому не быть так? В этом нет ни "за", ни "против", которые бы взывали к материалисту, или считались бы аргументом в суде; но я говорю это в пользу того аргумента, что никто, однажды рассмотрев эту идею серьёзно, не возвратится к формальным теориям скептиков. Это было бы всё равно, что вернуться в пелёнки.

Допустив же, ради этого аргумента, что человек — это мощное сознание, являющееся собственным творцом, собственным судьёй, в котором заключена вся жизнь в её потенциальности — даже предельная её цель — давайте рассмотрим, почему же он заставляет себя страдать.

Если боль — результат неравномерного развития, гипертрофированного роста или дефектов продвижения в разных аспектах, почему же человек не научится этому уроку и не стремится к равномерному развитию?

Мне представляется, что ответ на этот вопрос — в том, что это и есть тот самый урок, которому учиться человеческий род. Возможно, это заявление и покажется чересчур дерзким для ординарного мышления, считающего человека порождением случая, имеющего место в хаосе, или душой, привязанной к безжалостному колесу кареты тирана и понукаемой вперёд — в рай или ад. Но такой стиль мышления в конце концов не отличается от мышления ребёнка, считающего своих родителей окончательными вершителями его судеб — фактически богами или демонами его вселенной. Вырастая, он отбрасывает это представление, обнаруживая, что это лишь вопрос возраста и сам он — царь, подобно любому другому из людей.

Так же и с родом человеческим. Он — царь своего мира, вершитель собственной судьбы и нет никого, чтобы сказать ему "нет". Говорящие о провидении и случае просто не останавливались, чтобы подумать.

Судьба, неизбежное, не существует ни для человечества, ни для индивидуума — кто может назначить её, кроме самого человека? Ни в небе, ни на земле нет и намёка на существование какого-либо вершителя судеб, кроме человека, страдающего или радующегося от предначертанного. Мы так мало знаем о своём

составе, столь невежественны относительно наших божественных способностей, что для нас пока невозможно знать, сколь много или сколь мало мы на самом деле предопределяем свою судьбу. Но мы во всяком случае знаем, что — насколько простирается наше достоверное восприятие — пока не открыто ничего, из чего бы следовало существование вершителя судеб; а если мы уделим хоть немного внимания окружающей нас жизни, чтобы наблюдать влияние действий человека на его собственное будущее, мы скоро увидим, что это-то и есть реально действующая сила. Она видима, хотя пределы нашего видения и весьма ограничены.

В том, что касается жизни, человек обычный, чисто мирской — куда лучший практический наблюдатель и философ, потому что он не ослеплён предрассудками. Такой человек всегда придерживается мнения — что человек сеет, то он и пожнёт. И по рассмотрении это оказывается столь очевидно верно, что если взглянуть на это шире, применив ко всей жизни, то можно будет постичь ужасную Немезиду, будто преследующую человечество безжалостной болью среди удовольствия. Великие греческие поэты восприняли эту видимость столь просто, что нам, более молодым и слепым наблюдателем, сообщило идею рока. Неправдоподобно, чтобы столь материалистичная раса, выросшая на Западе, сама, без помощи древних поэтов, открыла существование этого ужасного фактора человеческой жизни. Так что мы можем отметить определённую ценность изучения классики — ведь великие факты и идеи о человеческой жизни, вложенные древними в их прекрасную поэзию, не потеряны совсем, как их искусства. Несомненно, мир расцветёт вновь, и славу людей цветущего будущего составят ещё более великие мысли и более глубокие открытия, но до тех отдалённых времён мы не можем переоценить оставленные нам богатства.

У этого вопроса есть один аспект, на первый взгляд склоняющий против такого направления мысли — а именно страдания тел бессловесных существ — маленьких детей, идиотов, животных, и их отчаянная нужда в силе, приходящей со всяким знанием, которая могла бы помочь им в их страданиях.

Трудность, с которой столкнётся здесь ум, возникает из нерациональной идеи об отдельности души от тела. Все, кто смотрит лишь на материальную жизнь (и в особенности врачи), полагают, что тело и мозг — пара партнёров, живущих вместе и взаимодействующих друг с другом. Но они забывают, что тело и мозг по всей очевидности — просто механизмы, как руки или ноги. За ними есть внутренний человек — душа, использующая эти механизмы, и очевидно, это верно для всех известных нам существований, как и для самого человека. На всей шкале существования мы не можем найти и точки, где бы причинное действие души прекратилось или могла бы прекратиться. Даже тупая устрица должна иметь в себе что-то, что побуждает её вести эту самую неактивную жизнь, и никто другой не может выбрать это для неё, кроме как стоящая за ней душа, которая заставляет её быть. Как же ещё она может быть там, где она есть, или быть вообще? Разве что вмешательством невозможного творца, называемого так или иначе.

Именно потому, что человек столь празден и нерасположен принять на себя ответственность, он скатывается к своей временной выручалочке — создателю. Он воистину временный, ибо продолжает существование только на время действия

определённой мозговой волны. Как только человек оставляет эту умственную жизнь, он по необходимости бросает и её волшебный фонарь, и созданные им иллюзии. Это должен быть очень неприятный момент, он даёт такое чувство оголённости, до которого далеко любому другому чувству. И похоже, что спасти себя от этого несносного переживания можно, лишь отказавшись принять нереальные фантомы за вещи из плоти и крови, имеющие силу. Именно на плечи Создателя и любит человек перекладывать не только ответственность за свою способность грешить и возможность своего спасения, но и саму свою жизнь, само своё сознание. Это бедный Создатель таким образом получает удовольствие — он доволен вселенной марионеток и ему приятно дёргать за их ниточки. Если это доставляет ему удовольствие, то он должно быть ещё в своём детстве. Возможно, в конце концов, это и так — Бог в нас ещё дитя и отказывается признать своё высокое положение. Если душа человека действительно подчиняется законам роста, угасания и возрождения, как и её тело, тогда её слепота неудивительна. Но это очевидно не так — ведь душа человека относится к тому порядку жизни, что обуславливает вид и форму, а сам не подвергается их действию, — тому порядку, что подобно чистому, абстрактному пламени, горит повсюду, где зажжено. Он не подвержен времени и не изменяется с ним, и сама его природа выше роста и упадка. Он стоит на своём первоначальном месте, которое и есть единственный престол Бога — том месте, откуда возникают все формы жизни и куда они возвращаются. Это место — центральная точка существования, в которой и есть постоянная обитель жизни, подобная центру сердца человека. Равным развитием этого, а вначале — его признанием, за которым следует равное развитие по различным исходящим оттуда линиям опыта, человек в конце концов и приобретает способность достичь Золотых Врат и приподнять их засов. Процесс этот — постепенное распознавание бога в себе, и цель достигается, когда божественность сознательно восстанавливает своё законное величие.

III

Первое, что необходимо сделать душе человека для совершения этой великой попытки открытия жизни — это то же, что делает ребёнок, начиная пользоваться своим телом — нужно научиться стоять. Ясно, что способность стоять — способность равновесия, сосредоточения, выравнивания в душе есть признак особого характера. Слово, лучше всего выражающее это качество — уверенность.

Сохранять спокойствие среди жизни и её перемен и твёрдо устоять в выбранном месте — подвиг, доступный лишь человеку, уверенному в себе и своей судьбе. Иначе торопливые формы жизни, стремительный поток людей, великие потоки мысли неизбежно унесут его с собой, и он потеряет то место сознания, с которого было можно начать это великое предприятие. Ведь это действие новорождённого человека *должно* быть совершено с полным знанием и без всякого давления извне. Все великие обладали этой уверенностью и твёрдо стояли в том месте, которое было для них единственной опорой во вселенной. Для каждого человека это место неизбежно разное. Каждый должен найти свою собственную землю и свои собственные небеса.

У нас есть инстинктивное желание избавиться от боли, но мы работаем методами внешнего, как и во всём другом. Мы лишь облегчаем её, а если мы добьёмся

большого и строим её со своей твердыни, она лишь возродится в другом месте с усиленной энергией. Если настойчивыми усилиями её удаётся изгнать с физического уровня, она вновь возникнет на умственном или эмоциональном, где она будет недоступна для человека. Это легко могут увидеть те, кто соприкасается с различными планами чувствования и наблюдают жизнь в дополнительном освещении. Люди обычно считают эти различные формы чувств действительно разделёнными, в то время как на самом деле — они лишь разные стороны от одного центра — точки личности. Если происходящее в центре, источник жизни, требует какого-нибудь действия, которое затруднено и потому вызывает боль, созданная при этом сила отводится от одной опоры и должна найти другую — она не может быть изгнана вон. И все события человеческой жизни, вызывающие эмоции и страдания, существуют для её пользы также как и радостные. Дом и тех, и других — в человеке, и оба типа требуют выражения своих прав. Удивительно тонкий механизм человеческого каркаса сконструирован так, чтобы отвечать на их легчайшее прикосновение; необычные сложности человеческих взаимоотношений развиваются для удовлетворения этих двух великих противоположностей души.

Боль и удовольствие стоят отдельно и разделены, как два пола — и в их слиянии, создании одного из двух, приобретаются радость, глубокое чувствование и основательный мир. Где нет ни мужского, ни женского, ни боли, ни удовольствия — там преобладает в человеке бог, и тогда жизнь реальна.

Может показаться, что такая трактовка вопроса имеет привкус подхода догматика, произносящего свои утверждения с безопасной кафедры, где ему не смогут возразить, но догматизм это лишь в той мере, в какой является им научная фиксация усилий, сделанных в новом направлении. Если бы реальность существования Золотых врат не могла быть доказана и они были бы лишь фантасмагорией экстатиков с богатым воображением, тогда бы не стоило и вообще о них говорить. В XIX столетии умами принимаются лишь установленные факты и законные аргументы, и чем больше их, тем лучший они встречают приём. Ведь если бы мы на протяжении нашей жизни не приближались к истинному и действительному, она бы ничего не стоила и была бы лишь тратой времени. Реальность — это величайшая потребность человека, и он стремится к ней при любом риске, желая достичь её любой ценой. Пусть это будет так. Никто не сомневается в том, что он прав. Давайте же тогда отправимся на поиски реальности.

IV

В этом исследовании нам сослужит хорошую службу один урок, получаемый всеми, кто жестоко страдает. В интенсивной боли достигается та точка, когда она уже неотличима от своей противоположности, удовольствия. Это на самом деле так, но лишь у немногих хватило героизма или силы выдержать до такой далёкой точки. Трудно достичь её иным путём. Лишь немногие избранные обладают столь гигантской способностью к удовольствию, что позволяет им совершить путешествие на его другую сторону. Но у большинства хватает силы наслаждаться и стать рабами наслаждения. Всё же у человека несомненно есть героизм, требующийся для этого великого путешествия, ведь иначе как могли мученики

улыбаться среди пыток? И как глубокий грешник, живущий ради удовольствия, может наконец почувствовать в себе движение божественного вдохновения?

В обоих этих случаях открывается возможность найти путь; но очень часто она теряется из-за перевешивания потрясённой природы. Мученик приобретает страсть к боли и живёт в идее героического страдания; грешник становится ослеплён мыслью о добродетели и поклоняется ей как конечной цели, как вещи, божественной самой по себе, в то время как она может быть божественной только как часть того бесконечного целого, что включает как порок, так и добродетель. Как возможно разделить неделимое — то, что едино? Приписывать божественность какому-либо объекту столь же разумно, как зачерпнуть из океана чашку воды и заявить, что она содержит океан. Вы не можете разделить океан; солёная вода — часть великого моря и должна быть таковой, тем не менее вы не держите море в своей руке. Люди так страстно желают личной силы, что готовы поместить бесконечность в чашку, божественную идею — в формулу, чтобы тешить себя владением ею. Лишь такие вот и не могут подняться и приблизиться к Золотым Вратам, поскольку великое дыхание жизни обескураживает их, они поражаются ужасом от того, насколько оно велико. Идолопоклонник держит в своём сердце образ идола с всегда зажжённой перед ним свечой. Это его собственный идол и он доволен от этой мысли, даже если согнулся перед ним в поклоне. В скольких добродетельных и религиозных людях нет этого чувства? В убежище души горит лампада перед домашним богом — вещью, которой поклоняющийся обладает, которая подчинена ему. Люди с отчаянным упорством цепляются за эти догмы, эти моральные законы, принципы и способы веры, которые являются их домашними богами, их личными идолами. Призовите их возжечь нескончаемое пламя, чтя только бесконечное, и они отвернутся от вас. Каким бы способом они ни пытались презреть ваш протест, в них самих он оставит чувство болезненной пустоты. Ведь благородная душа человека, тот могучий царь, что во всех нас, очень хорошо знает, что этот домашний идол может быть низвержен и разрушен в любой момент, и что в нём нет полноты, какой-нибудь реальной и абсолютной жизни. Но человек удовлетворён этим владением, забывая, что по неизменным законам жизни владеть всем можно лишь временно. Он забыл, что его единственный друг — бесконечное, что в великолепии этого бесконечного — его единственный дом и что одно лишь это может быть его богом. Он чувствует себя здесь бездомным, но то, что среди прочих жертв он предлагает своему собственному идолу — для него место краткого отдыха, и поэтому-то он столь страстно и держится за это.

Немногие обладают смелостью хотя бы постепенно обратить лицо к тому великому уединению, что окружает их снаружи и будет сохраняться столь долго, сколько они цепляются за свою личность, "я", которое для них — центр мира, причина всякой жизни. В своей страсти к Богу они находят смысл своего существования, в своём желании тела для чувств и мира для наслаждения лежит для них причина вселенной. Эти верования могут быть скрыты очень глубоко под поверхностью и трудно добраться до них, но фактически они и есть причина, позволяющая человеку стоять. Для себя он сам — бесконечное и Бог, он держит океан в чашке. В этом заблуждении он пестует эгоизм, делающий жизнь удовольствием, а боль — приятной. В этом глубоком эгоизме — сама причина и

источник существования удовольствия и боли. Ведь не мечись человек между этими двумя, не напоминай себе чувствованием, что он существует, он бы забыл это. И в этом факте — весь ответ на вопрос "почему человек создаёт боль к своему собственному неудобству".

Тот странный и таинственный факт, что человек обманывает себя, давая Природе обратную интерпретацию, выражая смысл жизни в словах смерти, остаётся пока необъяснённым. Ведь то, что человек действительно содержит в себе бесконечное, и что в чашке — на самом деле океан — неоспоримая истина; но это так только потому, что чашка абсолютно лишена существования. Это просто переживание бесконечного, не обладающее постоянством и подверженное внезапному нарушению. Утверждая, что четыре стены его личности — реальны, человек делает огромную ошибку, погружающую его в нескончаемую череду несчастных случаев и постоянно усиливающую существование его любимых форм чувствования. Удовольствие и боль становятся для него более реальными, чем великий океан, частью которого он является и где его дом; он постоянно больно ударяется об эти стены там, где он чувствует, и его крошечное я колеблется в пределах избранной им тюрьмы.

Глава V СЕКРЕТ СИЛЫ

I

Сила, чтобы шагнуть вперёд — вот первейшая потребность для избравшего путь. Где же её найти? Оглянувшись, нетрудно увидеть, где другие находят свою силу. Источник её — в глубокой убеждённости. Хотя эта великая нравственная сила рождается в естественной жизни человека, она позволяет ему, как бы хрупок он ни был, продолжать движение и побеждать. Что же покорять? Не континенты, не миры, но себя. Этой высшей победой достигается вход в то целое, где всё, что может быть покорено и приобретено, становится не его, а им самим.

Легко надеть доспехи и отправиться воевать, прикинув шанс умереть в суматохе битвы; но оставаться спокойным в гвалте мира, сохранять неподвижность в бурлении тела, хранить молчание среди тысяч криков чувств и желаний, а затем, сняв все доспехи, без спешки или возбуждения взять смертоносную змею "я" и убить её — нелегко. Всё же это то, что должно быть сделано, и сделать это можно только в момент равновесия, когда враг смущён молчанием.

Но в этот высший момент требуется сила, какая не требуется никакому герою битв. Великий воин должен быть наполнен глубоким убеждением в справедливости своего дела и верности метода. Человек, ведущий войну с самим собой и выигрывающий эту битву может делать это, только зная, что это единственное, что стоит делать и что этим он делает и рай, и ад своими. Да, он стоит на обоих. Ему не нужны небеса, где удовольствие получают как долгожданную награду; он не боится ада, ждущего, чтобы наказать его за грехи. Ведь он раз и навсегда победил в себе эту подвижную змею, что мечется из

стороны в сторону в своём постоянном желании контакта, в вечном поиске удовольствия и боли. Никогда снова (если победа действительно была раз одержана) он не станет трепетать или возбуждаться от того, что сулит будущее. Эти горящие чувства, казавшиеся ему единственным подтверждением его существования, больше не свойственны ему. Как же тогда он может знать, что живёт? Он знает это только в силу довода, да и не озабочен такими рассуждениями. Для него тогда наступает мир, и он найдёт в этом мире ту силу, которой он так желал. Тогда он узнает, что такое та вера, которая может двигать горы.

II

Религия удерживает человека, не давая ему вступить на путь, по различным весьма простым причинам. Во первых, она делает жизненно важную ошибку, устанавливая различие между добром и злом. Природа не знает такого различия, и моральные и общественные законы, установленные нашими религиями, столь же временны, как и обусловлены нашей собственной особой формой существования, подобно законам пчёл или муравьёв. Мы покидаем то состояние, где эти вещи представляются решающими, и забываем их навсегда. Это легко показать, ведь широко мыслящий человек меняет свой жизненный уклад, живя среди другого народа. У этих людей, среди которых он является чужаком, есть своя глубоко укоренившаяся религия и наследие убеждений, которые он не может оскорблять. Если у него не совсем уж ничтожный и немыслящий ум, он видит, что их формы закона и порядка также хороши, как и его собственные. Что же ему остаётся делать, как не примирить постепенно своё поведение с их правилами? И тогда, если он обитает среди них много лет, острота различий стирается и он забывает, где же кончается их вера и начинается его собственная. И разве может его собственный народ говорить, что он поступил неправильно, если он не причинил никому боли и остался честным?

Я не нападаю на закон и порядок и не говорю о них с безрассудным осуждением. На своём месте они жизненно необходимы, как тот принцип, что управляет жизнью улья. Я хочу лишь указать на то, что сам по себе этот закон и порядок весьма временный и совершенно неудовлетворительный. Когда душа человека покидает место своего краткого пребывания, её не сопровождают мысли о законе и порядке. Если она сильна, с ней экстаз истинного бытия и настоящей жизни, которыми она наделяется, как знают все, наблюдавшие за умирающими. Если душа слаба, эти мысли затухают и исчезают побеждённые первой вспышкой новой жизни.

Я говорю чересчур уверенно и определённо? Лишь живущие активной жизнью сиюминутности, не наблюдавшие за мёртвыми и умирающими, не ходившие по полю битвы и не заглядывавшие в лица людей в их последней агонии, скажут так. Сильный человек покидает своё тело ликующим.

Почему? Потому что его больше не удерживает и не заставляет колебаться сомнение. В странный момент смерти ему было дано освобождение, и с внезапным чувством восторга он признаёт, что это оно. Будь он уверен в этом раньше, он был бы великим мудрецом, человеком, способным править миром,

ведь у него была бы сила управлять собой и своим собственным телом. Эта свобода от цепей обыденной жизни может быть получена при жизни столь же легко, что и после смерти. Требуется лишь достаточно глубокое убеждение, позволяющее человеку смотреть на своё собственное тело с теми же чувствами, с какими бы он смотрел на тело любого другого, или на тела тысячи человек. Размышляя на поле битвы, невозможно осознать агонии каждого страдальца; зачем же тогда осознавать свою собственную боль более остро, чем боль других? Соберите всё вместе и взгляните на всё это шире, чем с точки зрения индивидуальной жизни. Тогда вы действительно почувствуете, что ваше физическое ранение — это слабость вашей ограниченности. Человек, развитый психически, чувствует рану другого столь же остро, как свою собственную, и не чувствует собственной вовсе, если достаточно силён захотеть этого. Каждый, кто вообще серьёзно исследовал психические обстоятельства, знает, что это факт, заметный больше или меньше согласно психическому развитию. Есть многие примеры того, что человек психически чувствительный воспринимает свою собственную боль более остро и эгоистично, но это бывает, когда развитие достигло лишь некоторой точки. Это сила, приводящая человека к границе того сознания, что является и глубоким миром, и жизненной активностью, и она не может нести его дальше. Но если он достиг его границы, он освобождается от мелочного преобладания своего собственного я. Это первое великое освобождение. Взгляните на страдания, сваливающиеся на нас из-за нашего узкого опыта и ограниченного сочувствия. Каждый из нас стоит в полном одиночестве, как единица, пигмей мира. И какой же хорошей судьбы мы можем ожидать? Великая жизнь мира проносится мимо, и в каждый момент существует опасность, что она захватит нас или совсем уничтожит. Этому нельзя ничего противопоставить, нельзя собрать никакой армии, ведь в этой жизни каждый человек ведёт свой бой против любого другого, и даже двое не смогут объединиться под одним знаменем. Есть лишь один путь избежать этой ужасной опасности, с которой мы сражаемся всякий час. Оглянитесь, и вместо того, чтобы противостоять силам, присоединитесь к ним; станьте едины с Природой и легко следуйте её путём. Не сопротивляйтесь обстоятельствам и не сетуйте на них больше, чем растения сетуют на дождь и ветер. Тогда внезапно, к вашему собственному изумлению, вы обнаружите, что у вас есть время и силы для великой битвы, с которой неизбежно сталкивается каждый человек — той, что внутри него, той, что ведёт к его собственному завоеванию.

Некоторые могут сказать — к его собственному разрушению. А почему? Потому что с часа, когда он впервые попробует великолепную реальность жизни, он будет всё больше и больше забывать своё индивидуальное я. Он больше не сражается за него, не устремляет его силу против силы других. Больше он не заботится о его питании или защите. Тем не менее, когда он так безразличен к своему благосостоянию, его индивидуальное я становится более стойким и крепким, подобно травам прерий и деревьям нехоженных лесов. Так это или нет — для него вопрос безразличный. Только в этом случае у него есть отличный инструмент, готовый к применению, и в должной пропорции этого и полноты его безразличия — сила и красота его личного я. Это легко видеть; садовый цветок, если им пренебрегать, становится выродившейся копией самого себя; цветку нужен самый лучший уход и всё умение садовника, иначе он совсем одичает и будет питаться

лишь от земли и неба. Кому есть дело до любого промежуточного состояния? Какая сила или ценность есть в находящейся в небрежении садовой розе, у которой болячки в каждом бутоне? Ведь болеющие или угнетённые цветы — несомненно результат произвольного изменения условий из-за небрежения человека, до сих пор игравшего для них роль провидения в их неестественной жизни. Но есть продуваемые ветром равнины, где ромашки вырастают высокими, с такими луноподобными головками, которых не даст никакой уход. Тогда уж культивируйте до крайности, не забудьте и дюйма почвы вашего сада, ни малейшего растения, растущего в нём; не стоит глупо притворяться и воображать, что вы готовы забыть его и подвергнуть ужасным последствиям полумер. Растение, поливаемое сегодня и забытое завтра должно истощиться или погибнуть. Растение, не ищущее никакой помощи, кроме как от самой Природы, сразу пробует свои силы и или умирает, потом воссоздаваясь, или вырастает в огромное дерево, ветви которого наполняют небо. Так что не делайте ошибки, совершаемой последователями религий и некоторыми философами — не пренебрегайте никакой частью себя, коль скоро признаёте её таковой. Пока почва у садовника, это его дело заботиться о ней, но однажды он может услышать зов из другой страны или от самой смерти, и вот он больше не садовник, его дело закончено и у него больше нет такого долга. Тогда его любимые растения оставлены на выживание и умирают, и самые утончённые из них становятся едины с землёй. Но яростная природа скоро потребует для себя места и покроет её густой травой или гигантскими деревьями, или позаботится о каком-нибудь молодом деревце в этом саду, пока его ветви не затенят землю. Будьте же бдительны и заботьтесь о своём саде как только можете, пока не сможете отойти окончательно и вернуть его Природе, чтобы он стал продуваемой равниной, где растут дикие цветы. Тогда, если вы пройдёте там и взглянете на это, что бы ни случилось, это не должно ни огорчать вас, ни радовать. Ведь вы сможете сказать: "я — каменистая почва, я — огромное дерево, я — сильные ромашки", вне зависимости от того, что цветёт там, где некогда росли ваши розы. Но вы должны научиться с той же целью изучать звёзды, прежде чем отважитесь пренебречь своими розами и перестать наполнять воздух их культивированным ароматом. Вы должны узнать свой путь через воздух, в котором нет наезженных путей, а оттуда — в чистый эфир; вы должны быть готовы поднять засов Золотых Врат.

Возделывайте, говорю я, и не пренебрегайте ничем. Помните только, что заботясь и поливая, вы нагло узурпируете дела самой Природы. Сделав это, вы должны продолжать их до той точки, пока у неё уже не будет силы наказать вас, когда вы не будете её бояться, а сможете смело вернуть ей своё. Она смеётся в рукав, могучая мать, наблюдая за вами скрытым смеющимся глазом, готовая безжалостно развеять всю вашу работу в пыль, если вы только дадите ей возможность, если вы обратитесь к безделью и станете невнимательны. Бездельник — отец безумца в таком же смысле, как ребёнок — взрослого. Природа должна наложить на него свою огромную руку и сокрушить всё сооружение. Садовник и его розовые деревья будут так же сломаны и поражены великой бурей, созданной её движением; и беспомощные, будут лежать, пока песок не засыпет их и они не будут схоронены в усталой пустыне. И из этого пустынного места Природа сама будет воссоздавать, и использует прах человека, отважившегося смотреть ей в

лицо, так же безразлично, как остатки увядших растений. Его тело, душа и дух подобным же образом будут ею востребованы.

III

Человек сильный и решивший найти непознанный путь предпринимает каждый шаг с крайней осторожностью. Он не произносит ни одного пустого слова, не предпринимает ни одного необдуманного действия, не пренебрегает никаким долгом или должностью, как бы они ни были скромны или трудны. Но в то время как его глаза, руки и ноги выполняют таким образом своё дело, новые его глаза, руки и ноги рождаются в нём. Ведь его страстное и непрекращающееся желание — направиться тем путём, на котором лишь тонкие органы смогут его вести. Физический мир он изучил, и знает как пользоваться им, постепенно его сила прибывает и он распознаёт мир психический. Но он должен научиться этому миру и узнать, как его использовать, и он не смеет ослаблять контакт с жизнью, с которой он знаком, пока не овладеет тем, с чем незнаком. Когда его психические органы наберут силу, подобную той, что физические органы ребёнка, впервые расправившего свои лёгкие, наступает час для великого приключения. Как мало требуется — но как это много! Человеку нужно лишь чтобы психическое тело сформировалось во всех своих частях, подобно телу ребёнка, ему нужно лишь глубокое и непоколебимое убеждение, какое побуждает дитя, что новая жизнь желанна. Как только эти условия выполнены, ему позволено жить в новой атмосфере и искать новое солнце. Но он должен помнить, что новый опыт нужно проверять старым. Он всё ещё дышит, но иначе; он втягивает воздух в лёгкие и берёт жизнь от солнца. Он родился в новый психический мир и зависит теперь от психического воздуха и света. Цель его не здесь, это лишь утончённое повторение физической жизни; он должен пройти его согласно аналогичным законам. Он должен учиться, исследовать, расти и побеждать, ни на минуту не забывая, что его цель — там, где нет ни воздуха, ни солнца, ни луны.

Не воображайте, что прогрессируя в этом направлении, человек передвигается, меняя местоположение. Нет — самой верной иллюстрацией будет прорезание через слои коры или кожи. Человек, полностью выучив свой урок, отбрасывает физическую жизнь; выучив другой урок, отбрасывает психическую жизнь, затем он так же отбрасывает жизнь созерцательную или жизнь восхищения.

Все они отбрасываются в конце концов прочь, и он вступает в тот великий храм, за пределами которого любая память или чувство о себе оставляется подобно обуви молящегося. Храм этот — место его собственной чистой божественности, центральное пламя, которое, хотя и будучи скрыто, одушевляло его во всех этих битвах. И найдя этот возвышенный дом, он так же уверен, как и сами небеса. Он остаётся неподвижным, полным всякого знания и силы. Внешний человек — восхищающийся, действующий, живое олицетворение, идёт своим путём рука об руку с Природой, являя всю прекрасную силу дикого роста земли, освещённую инстинктом, содержащим знание. Ведь в самом сокровенном святилище, настоящем храме, человек нашёл тонкую суть самой Природы. Больше между ними нет никакой разницы или каких-то полумер. Всё теперь приходит в час силы и действия. В этом святилище всё: Бог и его создания, бесы, что за ними охотятся, те из людей, которые были любимы, и те, что были ненавидимы. Разницы между

ними больше не существует. Тогда душа человека смеётся в силе и бесстрашии и отправляется в мир, где требуются её дела, вызывая их ход без оценок, тревоги, страха, сожаления или радости.

Это состояние доступно человеку, живущему физически — ведь люди достигали его при жизни. Только оно может сделать физические действия истинными и божественными.

Жизнь среди предметов чувств должна навсегда стать для возвышенной души лишь видимостью, и жизнь эта только тогда может стать могущественной, жизнью достижения, когда она одушевлена венценосным и беспристрастным богом, пребывающем в святилище.

Выполнение этого условия столь высоко желательно, поскольку с этого момента нет больше бед, тревог, сомнения или колебания. Как великий художник бесстрашно рисует свою картину, никогда не совершая ошибки, о которой он мог бы пожалеть, так и человек, сформировавший своё внутреннее я, обходится с жизнью.

Но это когда условие выполнено. Наш взгляд на горы в жажде познания — это способ подхода и путь к Вратам. И эти Золотые Врата заперты железным засовом. Путь к их порогу может вызвать у человека головокружение и болезнь. Кажется, что нет пути, так кажется постоянно до самого конца, путь к ним лежит вдоль отвратительных ущелий и теряется в глубоких водах.

Когда это преодолено и путь найден, кажется удивительным, что трудности выглядели столь великими. Ведь там, где путь теряется, он лишь резко поворачивает, его тропа по краю пропасти достаточно широка для ног, а через глубокие воды, с виду столь предательские, всегда найдётся брод или паром. Так это случается во всех глубоких опытах, переживаемых человеческой природой. Когда первое горе разрывает сердце на части, кажется, что путь кончился и пустая темнота заняла место неба. Но душа ощупью продолжает движение вперёд и этот трудный и с виду безнадёжный поворот дороги оказывается пройден.

Так же и со многими другими формами человеческих испытаний. Иногда на протяжении длинного периода или даже всей жизни путь существования постоянно преграждается препятствиями, которые видятся непреодолимыми. Горе, боль, страдания, потеря всего любимого и ценимого встают перед запуганной душой, подстерегая её на каждом повороте. Кто же расставляет там эти препятствия? Рассудок пасует перед детской драматической картинкой, предлагаемой последователями религий — Бог позволяет Дьяволу мучить свои создания ради их конечного блага! Когда же это конечное благо будет достигнуто? Ведь идея этой картины предполагает конец, цель. Нет никакой. Каждого из нас можно легко убедить в этом, ведь насколько человеческое наблюдение, рассудок, мысль, интеллект или инстинкт может проникнуть в загадку жизни, все получаемые данные свидетельствуют, что путь бесконечен и на вечность эту нельзя закрыть глаза, и тщетны попытки души свести её хотя бы к миллиону лет.

У человека, взятого индивидуально или же как целое, ясно просматривается двойственный состав. Я говорю сейчас грубо, будучи в курсе, что различные школы философии по-разному подразделяют его согласно нескольким теориям. Но я имею в виду следующее: две великих волны чувств проносятся через его природу, две великие силы руководят его жизнью — одна делает его животным, другая же делает его богом. Никакой зверь на земле не будет так жесток, как человек, подчинивший свою божественную силу своей животной силе. Это вопрос принятия курса, поскольку тогда вся сила его двойственной природы используется в одном направлении. Чистое и простое животное повинуетя лишь своим инстинктам и желает не более, чем нужно для удовлетворения его любви к удовольствию, его почти не интересуют другие существа — за исключением того, насколько они могут доставить ему удовольствие или боль; оно не знает ничего об абстрактной любви, жестокости или любой из тех порочных склонностей человека, что сами в себе несут свою награду. Так что у человека, ставшего животным, в миллион раз более сильная жизненная хватка, чем у природного зверя, и то, что у последнего — сравнительно невинное удовольствие, не нарушаемое произвольным моральным установлением, для человека становится пороком в силу самооценности удовлетворения. Более того, он обращает в этот канал все божественные силы своего существа, делая свою душу рабой чувств и тем вызывая её деградацию. Бог, скрытый и искажённый, прислуживает животному и кормит его.

Посмотрим тогда, нельзя ли изменить эту ситуацию. Сам человек — царь той страны, в которой разыгрывается этот странный спектакль. Он позволяет зверю узурпировать место бога, потому что временно зверь лучше всего удовлетворяет его капризные прихоти. Это не может продолжаться всегда; зачем же позволять этому продолжаться хоть немного ещё? Пока правит животное, будут острейшие страдания как следствие перемен, вибраций между удовольствием и болью, желания продолжительной и приятной физической жизни. А бог своими возможностями слуги увеличивает всё это в тысячу раз, ещё сильнее наполняя физическую жизнь остротой удовольствия — редкого, сладострастного, эстетического, и боли столь яростной, что уже и нельзя понять, где же она кончается и начинается удовольствие. Пока бог служит, жизнь животного будет обогащаться и приобретать б`ольшую значимость. Но пусть только царь решит изменить своё суждение и свергнет животное с трона, вернув бога на его божественное место.

Какой глубокий мир снизойдёт на дворец! Всё на самом деле изменится. Нет больше лихорадки личных страстей и желаний, какого-либо смятения и подавленности, жажды удовольствий или страха боли. Это как великое спокойствие, спускающееся на бурный океан, как мягкий летний дождь, падающий на иссушенную почву, как глубокий пруд, найденный среди изматывающих и вызывающих жажду лабиринтов недружественного леса.

Более того. Человек не только больше, чем животное, потому что в нём бог, но он и больше, чем бог, потому что в нём ещё и животное.

Поставьте раз животное на его законное, низшее, место, и вы обнаружите, что владеете великой силой, о которой вы до этого даже не подозревали. Бог в

качестве слуги в тысячу раз увеличивает удовольствия животного, животное же в качестве слуги в тысячу раз увеличивает силы бога. И при таком союзе, верном соотношении этих двух сил в себе, человек становится сильным царём и может, подняв свою руку, открыть засов Золотых врат. Когда же эти силы соотносятся недолжным образом, этот царь — лишь венценосный сластолюбец без всякой силы, честь которого достойна лишь насмешки, ведь небожественным животным по меньшей мере ведом мир и их не разрывают порок и отчаяние.

Вот и весь секрет. Это то, что делает человека сильным, могущественным и способным взять и небеса, и землю в свои руки. Не воображайте, что это легко. Не дайте себя обмануть той идеей, что этого достигают религиозные или добродетельные люди. Это не так, они просто установили стандарт, колею, закон, при помощи которого они сдерживают животное. Бога же они некоторым образом принудили служить ему, ублажая его верованиями и лелеемыми религиозными фантазиями, с надменным чувством личной гордости, составляющей удовольствие праведника. Эти особые и канонизированные пороки — вещи чересчур низменные для чистого животного, вдохновляемого лишь самой Природой — всегда свежи, как утро. Униженный же бог в человеке в этом несказанно продуктивен.

Способности же служения и силы возвышенного животного в человеке невообразимо высоки.

Вы, позволяющие своему животному я продолжать жить, просто удерживаясь в некоторых пределах, забываете, что это великая сила, неотъемлемая часть животной жизни мира, в котором вы живёте. Ею вы можете властвовать людьми и более или менее ощутимо влиять на сам этот мир, согласно вашей силе. Бог, получив своё законное место, будет так вдохновлять и вести это необычное создание, так побуждать к действию и признанию среди себе подобных, что когда вы распознаете пробудившуюся в вас силу, это вызовет у вас трепет. Само животное будет тогда царём животных мира.

Вот секрет магов древнего мира, заставивших Природу служить себе и каждый день совершать для них чудеса. Это секрет и грядущей расы, которую предвещал нам лорд Литтон.

Силы же этой можно достичь, только предоставив богу высшую власть. Но дайте своему животному править вами, и оно никогда не будет править другими.

ЭПИЛОГ

Утаён и скрыт в сердце мира и сердцах людей тот свет, что может озарить всю жизнь, прошлое и будущее. Не поискать ли нам его? Несомненно, некоторые должны это сделать. И тогда, возможно, они добавят необходимое к этому скромному фрагменту мысли.

Перевод К. З.



С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

